ДАО ДЭ цзин
ЛАО-цзы
Растолкования Великого Пекинеса
Сутра Сердца Праджняпарамиты

книжка третья

книжка третья

ДАО ДЭ цзин ЛАО-цзы Растолкования Великого Пекинеса Сутра Сердца Праджняпарамиты

https://litres.ru/71782390
SelfPub; 2026

Аннотация

ВЕЛИКИЙ ПЕКИНЕС

PRINCIPIA REALITATIS ABSOLUTAE

Третья книжка антинаучных повизгиваний вокруг "Дао Дэ цин". Главы 38 - 48, 51, 67, 71, 79 - 81) На десерт Сутра Сердца Праджняпарамиты и Сутра Помоста Шестого Патриарха (гл.1,2...)

Chinese-Russian-English.

книжка третья
ДАО ДЭ цзин ЛАО-цзы
Растолкования Великого Пекинеса Сутра Сердца Праджняпарамиты

##
###

Л А О – Ц З Ы
ДАО ДЭ ЦЗИН

ВЕЛИКИЙ ПЕКИНЕС
PRINCIPIA REALITATIS ABSOLUTAE
КНИЖКА ТРЕТИЯ

Т О Л К О В А Н И Я
ДЛЯ
ДОМОХОЗЯЕК
Благие повизгивания антинаучного содержания
(ГЛАВЫ 38 - 48, 51, 67, 71, 79 - 81)

НЕСКУЧНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:
Сутра Сердца Праджняпарамиты;
Сутра Помоста Шестого Патриарха (Глава 1);
Сказка.

Посвящается
Великим Пекинесам Ян Чжу-цзы и Чун Чун-цзы,
истинным друзьям и наставникам.

Записано со слов Великого Пекинеса Ян Чжу-цзы с безразлично-молчаливого благословения Великого Пекинеса Чун Чун-цзы в год плодовитой свиньи – 2007 от рождения Иисуса Христа
(16. 02. 2007 – ……)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Схимники-огородники:
ЯН ЧЖУ-цзы,
Великий Пекинес, живое воплощение льва Бодхисаттвы Манджушри. Древнекитайцы вывели эту бесстрашную собачку, скрестив маленькую обезьянку с могучим «царем зверей». Великий Будда, созерцая сей смелый эксперимент, несомненно, возрадовался его результату. Прикоснувшись ко лбу новорожденного «львенка», Победитель Смерти оста-

вил на нем темное пятнышко (палец Будды), из века в век украшающее всех его мудропушистых потомков.

КОСТЯ,

вольнопасущийся мудрокот, хитрый, но белоснежный. Рыцарь сонного царства. Мастер Дхьяны.

ПИ-ПУ,

вислоухий кролик, мудронаивный, но беспредельно отважный. Рыцарь морковки и капустного листа. Мастер Дхьяны.

НЕРАЗУМНЫЙ,

слуга Великого Пекинеса, его послушный ученик и благоговейный почитатель.

Соседские КУРЫ,

террористически мыслящие птицы, дерзко и сквозь дырку в заборе совершающие набеги на суверенные грядки схимников-огородников.

Мудропетух ДЖУЛЬБАРС,

предводитель соседских кур, стойкий стоик и беспощадный противник куриного суфражизма.

Вальяжные УТКИ с другого конца деревни.

ДОМОХОЗЯЙКИ всех мастей, конфессий и кулинарных склонностей.

Место действия: огород схимников.

ЦЕЛИ и ЗАДАЧИ

Благороднейшей целью настоящего повествования Вели-

кий Пекинес полагает ее полное отсутствие. Наиглавнейшей же задачей Мудропушистый считает выражение глубочайшего уважения всем, кто стучался в Небесные Двери, а особенно тем, кому они с радостью приоткрылись.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Вдумчивым домохозяйкам уж точно известно, что фундаментальную Реальность нельзя зафиксировать ни мыслью, ни словом, ни печатью в паспорте. Знание о Дао в любом случае иллюзия. И хотя знание об этом есть иллюзия еще большая, потомкам Адама и Евы, в чьих сердцах пылает божественное пламя Истины, не остается ничего иного, как снова и опять идти в этом знании до его обманчивого предела. Вот и Лао-цзы, беззаботно нарушая собственную заповедь (Кто понимает это, не говорит об этом (гл.56)), оставляет хранителю пограничного перевала книгу в пять тысяч иероглифов про безымянное Дао. Вот и Будда Шакьямуни щедро одаривает человечество тремя корзинами текстов, посвященных недуальной Дхарме, которую никакое знание отразить, в принципе, не способно. Очевидно, вопрос всех вопросов не в том, что Дао нельзя «ухватить» условными представлениями, а в том, как близко можно «подобраться» к нему с их помощью. Ведь эго-мышление вполне в состоянии вплотную подойти к своим собственным границам, а при избытке в сердце-уме отваги и искренности, перешагнуть их, пустившись в плавание по бескрайнему океану Великой Пу-

стоты. Обретя в этом странствии опыт отсутствия опыта, сие «отсутствие» всегда найдет способ собственного выражения, и тот, кто сподобился «претерпеть» в своем организме столь восхитительную трансформацию, имеет полное право оставить свои «пять тысяч иероглифов» на пограничном перевале между жизнью и смертью.

Философствовать о Дао – занятие благородное, но прямое Видение (с большой буквы) Дао-реальности в сравнении с любой философией, что свежая осетрина по отношению ко всем остальным ее несъедобным состояниям. Козьма Прутков, весело заявив, что «никто не обнимет необъятного», был совершенно прав – двойственному сознанию осмыслить Дао-тождество, что шоколадному зайцу вырастить на своей пушистой голове ветвистые оленьи рога (Сутра Помоста). Тем не менее, нерушимый принцип божественной Неопределенности никогда не затворяет Небесную Дверь в «райские кущи». Спонтанный фазовый переход сознания двуногих зверюшек от эгоистической обособленности к светоносному Дао-единству возможен в любую погоду. Будда Шакьямуни, Лао-цзы, Иисус Христос, Бодхидхарма и тысячи других неизвестных, но не менее самоотверженных искателей Истины на собственном примере убедительно продемонстрировали реализацию этой восхитительной возможности.

Впервые иероглиф «дао» встречается в «Шу цзин» – «Каноне документов», посвященном событиям третьего-второго тысячелетия до нашей эры, где с его помощью повеству-

ется о направлении реки в нужное русло при строительстве канала. Также считается, что изначально этот иероглиф использовался древними астрономами и астрологами для описания движения звезд в небесных сферах. Однако звезды никуда не ходят. Их путь по просторам космоса – воображаемая траектория, существующая лишь в фантазиях замечтавшегося наблюдателя. Поэтому от греха подальше лучше оставить иероглиф «дао» без перевода. Пусть те, кто найдут в себе силы дочитать все до конца, наполнят его собственным пониманием, а самые отважные – поскорее это «понимание» утратят.

Книга "ДЭ"

38.

(1) Высшее Дэ не совершенствуется, поэтому совершенством и обладает.

(# шан # дэ # бу # дэ # ши # и # ю # дэ)

(2) Низшее Дэ не теряет Дэ, поэтому совершенством не обладает.

(# ся # дэ # бу # ши # дэ # ши # и # у # дэ)

(3) Высшее Дэ не действует, и действовать не имеет причины.

(# шан # дэ # у # вэй # эр # у # и # вэй)

(4) Высшее человеколюбие действует, и действовать не имеет причины.

(# шан # жэнь # вэй # чжи # эр # у # и # вэй)

(5) Высшая справедливость действует, и имеет причину действовать.

(# шан # и # вэй # чжи # эр # ю # и # вэй)

(6) Высшая правильность действует, но, [если] никто ей не соответствует,

(# шан # ли # вэй # чжи # эр # мо # чжи # ин)

То, закатав рукава, [соответствовать] заставляет.

(# цзэ # жан # би # эр # жэн # чжи)

(7) Поэтому за утратой Дао следует Дэ-совершенство.

(# гу # ши # дао # эр # хоу # дэ)

(8) За утратой Дэ-совершенства следует человеколюбие.

(# ши # дэ # эр # хоу # жэнь)

(9) За утратой человеколюбия следует справедливость.

(# ши # жэнь # эр # хоу # и)

(10) Утеряна справедливость – за ней следует правильность.

(# ши # и # эр # хоу # ли)

(11) Именно правильность истончает преданность и доверие,

(# фу # ли # чжэ # чжун # синь # чжи # бао)

И [стоит] во главе [всякого] беспорядка.

(# эр # луань # чжи # шоу)

(12) Знать заранее – пустоцвет Дао и начало глупости.

(# цянь # ши # чжэ # дао # чжи # хуа # е # эр # юй # чжи # шоу # е)

(13) Поэтому Великий Муж пребывает в великом. [Он] не живет в ничтожном.

(# ши # и # да # чжан # фу # чу # ци # хоу # эр # бу # цюй # ци # бао)

(14) [Он] там, где плод, а не где пустоцвет.

(# чу # ци # ши # эр # бу # цзюй # ци # хуа)

(15) Поэтому оставляет то и берет [себе] это.

(# гу # цюй # би # цюй # цы)

«Созерцание.

Умой руки, но не приступай к жертвоприношению.

Обладая правдой, будь нелицеприятен и строг»

ЧЖОУ И (И-цзин), перевод Шуцкого Юлиана Константиновича, гексаграмма 20

Adagio.

Высшее совершенство не нуждается в совершенстве
И про совершенство даже и знать не хочет.
Ущербное совершенство не оставляет усилий,
Как бы сделать себя получше,
И глаз с себя не спускает,
Будто бы измеряя, чего же оно, наконец, достигло.

Высшая человечность всем всегда помогает:
Каждой собаке и кошке, бедным, больным и сирым,
Страдания их облегчая и милосердие изливая
На всех, невзирая на лица.
Потому и подобна она великому Солнцу,
Свет и тепло дарующему всем без разбора.
Высшая справедливость будто бы человечность,
Которую где-то забыли:
Привкус остался, но вспомнить она не может
От чего он был изначально.
И чтобы вовсе его не утратить,
Справедливость пишет скорей законы.
Но закон, всем известно, что дышло.
Правильность похожа на штангенциркуль,
Собой измеряющий все без всяких сомнений.
Если правильность хоть малейшую власть имеет,
То, засучив рукава, выправить мир стремится –
Обстругать его по правильной своей мерке.
В лучшем случае искренне веря,
Что счастье и благо это всем принесет непременно.
Знать наперед, что завтра случится –
Ну глупее уж не найти гадания,
И не счесть пословиц и поговорок,
Что русский народ на сей счет придумал.
Вот Ванька-дурак всегда лишь под ноги себе смотрит.
Разве он озабочен прибылью на конец квартала?

(1). (2). (7). Едва ли для задумчивых домохозяек является китайским секретом тот выпуклый факт, что высшее совершенство потому и высшее, что совершенствоваться ему дальше некуда. Поэтому мы, с Великим Пекинесом, не усматриваем препятствий к тому, чтобы читать четвертый иероглиф первой строки как глагол от слова «совершенство» («#шан #дэ #бу #дэ #ши #и #ю #дэ» (Высший; Дэ; Нет; Дэ; Поэтому; Иметь; Дэ) – Высшее Дэ не совершенствуется, поэтому обладает Дэ). Впрочем, и здесь мы не первые. Роджер Эймс и Дэвид Холл: «It is because the most excellent (de) don't strive to excel (de)…» (Именно потому, что наивысшее совершенство не прилагает усилий, чтобы превзойти себя…)

Строка (2) «#ся #дэ #бу #ши #дэ» утверждает, что «Низший; Дэ; Нет; Терять; Дэ». Ой! Дэ-совершенство не бывает ниже и жиже. Оно, что булгаковская осетрина, всегда наивысшего качества. Лучезарный даос Лю И-мин (1737-?) в переводе Томаса Клири замечает: «The Tao is unique, without duality – why do deluded people divide it into high and low?» (Awakening to the Tao, Liu I-ming, Shambhala, 2006). Возможно, под «#ся #дэ» подразумевается неутолимая страсть двуногих зверюшек к духовному прогрессу в виде морально-нравственной самокультивации. Однако эта забава бесконечно далека от Дэ-совершенства. Ведь увлеченная «самошлифованием» домохозяйка неизбежно ограничена иллюзорными плодами собственных стараний и опасени-

ями их утратить, а уж искоренение условных грехов на фоне не менее условной праведности и вовсе не способствует преодолению ею дуалистического восприятия Реальности, без чего мечтать о Дэ-совершенстве не только грустно, но и не смешно.

О доверчивые домохозяйки, дабы излучать вокруг себя совершенство спонтанной непривязанности, ваше сознание просто обязано пребывать в Колее Дао и беспрепятственно течь в неукротимом потоке фундаментальной Реальности, которая, если честно, никуда и не течет. Дао – это нечто OmniPresent или божественная субстанция, а Дэ – это нечто OmniPotent или ее любимая функция, которая отдельно от Дао в дикой природе не случается. По-простому, Дэ – это манифестация Дао в иллюзорном мире десяти тысяч вещей и наполненных ими мимолетных событий. Так гражданке, отведавшей Эликсира Бессмертия, уж не удастся присутствовать под Небесами в образе бездарно угрюмой особи. Она будет действовать так же, как «действует» Дао, в волшебном стиле «У-вэй» (Не Действие), и все, что сквозь ее бесстрашное сердце будет перетекать из «глубин» постоянного Дао (гл.1) во «внешнюю сферу» обусловленных лингвистическими конвенциями быстротечных феноменов, как раз и будет называться изначальным Дэ-совершенством. Остальное добротоделание можно именовать как угодно, но только не божественным ДЭ.

Пребывая в беззаботном удивлении по поводу наличия в

атмосфере древнего Китая «низкосортного» Дэ, мы поспешим весело наябедничать, что строка (7) тоже радует аномальным сообщением: «Поэтому, когда утеряно Дао, за ним следует Дэ» (#гу #ши #дао #эр #хоу #дэ). В «Дао Дэ цзин» нет ничего более экзотического, чем Дао-субстанция, оторванная от своей Дэ-функции. Созерцая столь тревожные тезисы, легко согласиться с Lau Din-cheuk в том, что «Дао Дэ цзин» есть коллективное творчество древнекитайских товарищей, сильно различавшихся по интенсивности своей мудропушистости. Эта глава продолжает антиконфуцианскую полемику, начатую в главах 18 и 19, где глава 18 как раз и заявляет, что, когда отброшено Великое Дао, впечатлительные граждане получают в лучшем случае человеколюбие и справедливость, а вовсе не Дэ-совершенство. Поэтому резонно взвизгнуть, что обнюхиваемая поэма представляет собой философский «винегрет», изготовленный совсем не тем мудрокитайским поваром, который сочинил главу 18. Why? Да из-за принципиально разного понимания одних и тех же универсальных процессов.

В нашем вольнолюбивом переводе мы отчасти следуем за мавантуйским текстом «В». На годянском бамбуке этой главы нет, а шелковый свиток «А» растерял в ней почти треть своих иероглифов. Что до стандартного варианта, а также версий Хэшан-гуна и Фу И, то в них после строки (3) присутствует еще один неуместный тезис: «Низшее Дэ действует и для действия имеет причины» (#ся #дэ #вэй #чжи #эр #ю #

и #вэй). По всем приметам, строка была добавлена в текст из добрых побуждений уравновесить строки (3) и (4) со строками (1) и (2), где высшее Дэ сравнивается с низшим. В этом странном случае «высшая справедливость» и «низшее Дэ» действуют одинаково, что лишь умножает сомнения в принадлежности главы 38 кисти Великого Лао-цзы.

(3). (4). Дао-реальность абсолютно совершенна, а все абсолютно совершенное абсолютно совершенно именно потому, что не обусловлено никакими причинами, следствиями и даже их благополучным отсутствием. Раз Дао и Дэ недвойственны в своей недуальности («О недвойственный в недуальности» – хвалебное кудахтание влюбленных в вислоухого мудрокролика соседских кур при его приближении к дырке в заборе), то и не «загрязняют» себя пребыванием в четырехмерном причинно-следственном континууме (пространство плюс время), категорически не участвуя в таких развлечениях, как «действие» и «движение». Опять, почему? Да действовать, передвигаться из точки А в точку В или самозабвенно дремать на диване, являя собой образец безмятежного покоя, дозволено лишь представителям двойственного мира субъектов и объектов. Дао и Дэ, не являясь ни тем, ни другим, действовать и перемещаться во времени сквозь пространство просто не приспособлены. Соответственно, мудрые китайцы хором и поют, что Дао в отсутствие себе противоположности действует «Не Действием» или «У-ВЭЙ» («У-

вэй» – это не ленивое «недеяние» с его уголовно-процессуальным привкусом, а, в принципе, иное «хореографическое искусство», не имеющее аналогов в мире иллюзорного восприятия Реальности). Так если в строке (3) Высшее Дэ не действует (#шан #дэ #у #вэй), пребывая вне юрисдикции закона кармической обусловленности («#эр #у #и #вэй» – и не имеет причины действовать), то в строке (4) человеколюбие очень даже действует, что молниеносно указывает на присутствие внутри этого события субъекта действия. Эго-субъект, если он не буйный алкоголик и не страдает иными видами психического несварения, действует всюду и везде строго по повелению тех или иных причин или сообразно их последствиям. Поэтому заявление строки (4) про то, что человеколюбие действует (#шан #жэнь #вэй #чжи), но, как и Дэ не имеет для этого никакой причины (#эр #у #и #вэй), только добавляет «огуречной ботвы» к вышеупомянутому «винегрету».

(5). (6). Усматривать антиконфуцианские настроения в этих строчках вовсе не обязательно. Человеколюбие (#жэнь) и справедливость (#и) при любой погоде являют собой глобальные нравственные категории, ясные и понятные даже эскимосам преклонных годов. Но вот знак «#ли» (ритуал, этикет, внешние приличия, правильность, propriety) уже требует к себе особого внимания. Дело в том, что в основании всех честных правил и кодексов приличного поведе-

ния всегда лежат представления эго-субъектов о том, что такое хорошо и что такое плохо. При этом любые ментальные конструкции на эту тему относительны и нестабильны именно потому, что, как говорит вольный хитрокот Костя, мышкам нравится одно, а котам совсем другое. Тупо и везде соблюдать однобокую праведность все одно, что взращивать в своем сердце-уме нечто похожее на колючий «штангенциркуль», беспощадно измеряющий уровень этой однобокости во всех встречных, поперечных и наискосок идущих. Дорвавшаяся до власти «правильная правильность» во все века ведет себя одинаково: тех, кто не вписывается в ее жесткие параметры, она, засучив рукава, принуждает к их соблюдению вплоть до рабского послушания или тотального истребления. Наведение единственно правильного порядка традиционно сопровождается громким пением агитпсалмов о благе народа и угрозе со стороны вероломных соседей, внимая которым нестабильные члены популяции утрачивают ориентацию в общественно-политическом пространстве, превращаясь в послушное стадо унылых, но агрессивных козлобаранов. В силу причин туманных и загадочных маловдумчивые граждане, чем интенсивнее угнетаются и обворовываются своим главным «циркулем» и его ненасытной свитой, тем крепче убеждены, что именно так они и приподнимаются со стертых коленок, обретая долгожданное, но былое величие. Чтобы наблюдать эту удручающую возню во всей ее «правильной» красе, не нужно ехать в древний Китай. Достаточ-

но выйти за ворота или выглянуть в окно, что категорически не советует делать Лао-цзы в главе 47. Поэтому мы, с Великим Пекинесом, да и не мы одни, при всем уважении к господину Конфуцию, предпочитаем читать знак «#ли» как «правильность» в самом общем смысле этого слова, а не как ритуальные церемонии или правила благопристойной вежливости.

(8). В главе 18 мы уже обнюхивали таинственный процесс «охлаждения» Святого Духа, беспечно выскользнувшего из потока Дао-реальности в неприличное «болото» сансарического дуализма. Обычно, Дух, подцепивший вирус двойственности, растрачивает свою божественную Свободу стремительно и без сожалений, в лучшем случае полагая заменить ее универсальной любовью в виде гуманного человеколюбия и человеколюбивого гуманизма. Вот не пойду один в Нирвану, пока все кошки, мошки и двуногие лемуры не высадятся на «другом берегу» вдали от страданий и неприятностей. Ох-ох.

Всяка любовь хоть и не «струйка дыма», но все одно, как проявление привязанности, удовольствие сугубо сансарическое. Возьмем для остроты ощущений вторую заповедь Спасителя «возлюби ближнего твоего как самого себя» (от Матфея, гл.22-39), которую коленопреклоненные домохозяйки два тысячелетия повторяют с елейным придыханием, трепетно закатывая глазки. Если не впадать в заунывное благо-

утробие, а окунуться в нее на трезвую голову, то легко обнаружить, что, чем больше любишь самого себя, тем жарче обязан возлюбить и окружающую тебя публику. Обожать себя – это махровый эгоизм, а безответно любить всех ближних, дальних и вовсе незнакомых – это его самоотверженное отсутствие. Настойчивые позывы уместить в сердце-уме взаимоисключающие крайности – хрестоматийные симптомы нервной лихорадки, нередко приводящей к трагическим мышечным сокращениям задних лапок.

Так обнюхав в блаженном уединении главу 22, можно сразу уяснить, что китайский мудрорыцарь не страдал незапланированными подергиваниями от переизбытка в его организме деятельного человеколюбия. Он почему-то не спешил поделить легкомысленных сограждан на горькие плевелы и сладкую пшеницу. Созерцая из глубины своего просветленно-замутненного сердца (гл.49) их всевозможные выходки, он видел в них не злостных грешников, подлежащих испепелению на праведном костре, а своих горячо обожаемых, но непослушных деток. Сие, несомненно, шло им на пользу, без лишних нравоучений ориентируя их мировосприятие в сторону теплого уважения ко всем существам вне зависимости от их вероисповедания и цвета шерсти. С добрыми зверюшками я добрый, и с недобрыми зверюшками я тоже добрый. С честными зверюшками я честен и с коварными лицемерами я тоже честен (гл.49). Мудрое сердце постоянно в любых обстоятельствах, а его изначальная ИСКРЕННОСТЬ – это и

есть Дэ-совершенство, берущее свое начало в божественной Колее Дао-реальности. Шестой Патриарх скромно заявляет, что Дао-ум подобен пространству, которому откровенно почихать на то, что такое хорошо или еще лучше (Сутра Помоста, гл.2). Великий Будда в четвертой главе Махапаринирвана-сутры тоже не стесняется выражать родственные чувства ко всем подряд без редких исключений. Даже в направлении злобных иччхантиков, опрометчиво фыркающих на истинную Дхарму, Победитель Смерти испытывал точно такие же «любящие мысли», как к своему сыну Рахуле. При этом любовь Будды Шакьямуни к самому себе была равна круглому нулю, и отнюдь не потому, что он отрицал присутствие назойливого «эго-атмана» в древнеиндийской атмосфере. Он этого «атмана», вообще, не отрицал, если уж быть пунктуальным в этом вопросе. Просто его Дао-ум пребывал вне любых противоположностей, будь то любовь, ненависть, атман, не атман, плохой иччхантик или добрый буддист. Такая недуальная жизненная позиция как раз и позволяла Благодатному излучать вокруг себя теплый божественный свет (в нашем древнекитайском случае Дэ-совершенство) на радость как важным слонам, так и незначительным (на первый взгляд) лягушкам и черепашкам. Как называется зеленоватая смесь одновременной любви к окружающим и самому себе можно легко узнать из главы 24. Причем, если Дао-ум никогда не изнашивается (гл.15), то первый признак двойственного сознания – это его утомляемость. Открове-

ние Иисуса Христа в главе 26 от Матфея об том, что, куда ни повернись, везде убогие и просто дураки, а Он, единственный и уникальный, не всегда будет радовать вялых апостолов своим чудотворным присутствием, тут же сигнализирует об усталости Спасителя безостановочно обслуживать всех инвалидов и слабоумных, попадающихся ему на глаза.

(9). (10). (11). К безжалостному прискорбию, все двойственные дхармы, повинуясь второму закону термодинамики, неизбежно деградируют в нечто совсем на них непохожее. Энтропия эго-сознания всегда неумолимо растет и в какой-то момент «двери» человеколюбия тихо закрываются. Следующая остановка – «справедливость» или перламутровая мечта юриспруденции, еще не знакомой со своей коррупционной составляющей. Нелицеприятная богиня Юстиция с обнаженной грудью и предварительно завязанными глазами. Равнодушные весы и обоюдоострый кинжал на службе поголовного равенства перед честным законом. «Все свиньи равны!» – похрюкивает один из вождей свинореволюции на страницах «Animal Farm» Джорджа Оруэлла. Весь мир насилия мы разрушим! А, что потом? А потом – бульон с котом от Швондера с Шариковым. Короче, вся эта свиновозня, как обычно, заканчивается маленькой, но фатальной коррекцией баннера, причем, в исполнении все того же свиногероя: «Все свино-животные равны, но некоторые свино-животные более равны, чем другие» («All animals are equal, but some

animals are more equal than others», Animal Farm: A Fairy Story, George Orwell). Воистину, «a fairy story» – ложь, да добрым домохозяйкам не счесть в ней правдивых намеков.

В отличие от активного гуманизма, равномерно обращенного своим светлым ликом ко всем прослойкам духовно-пассивного общества, строгая справедливость уже разделяет его гордых членов на хороших и плохих, законопушистых и не очень. Откуда же берется тот правильный закон, что позволяет безошибочно отделять грешные сорняки от сочных фруктов? Ну, конечно, каменные плиты с Небес строго Моисею в густом дыму под грохот молний (Исход, гл.19-20): не разворовывай бюджет, не сотвори себе кумира и не лги по телевизору. Наконец, не убивай своих братьев, тебе же сильно подобных! Ах, как утонченно и заботливо! Однако слабодоходчиво. Толпы полудиких, но уже начинающих вставать с колен древнеиудеев, едва получив от Всевышнего морально-нравственные нормы и правила, тут же наплевали на них со всех подветренных сторон. Избрав себе кумиром «золотого теленка», они учинили вокруг него вольную и, вполне возможно, непристойную пирушку: «… и сел народ есть и пить, а после встал играть». Вдоволь наигравшись, но, похоже, не до конца протрезвев, богоизбранная популяция продолжила несанкционированные Вседержителем народные гулянья, неожиданно закончив их зверской и беспощадной резней. По наущению все того же «правильного» Моисея сыны Израилевы, в очередной раз проигнорировав дарованные им за-

поведи, хладнокровно изрубили в мелкое рагу несколько тысяч своих инакомыслящих собратьев: «И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек» (Исход, гл.31). Взирая на это «высокодуховное побоище», невзначай получается, что ущемление свободы Духа было инициировано прямиком изнутри божественного эшелона власти. Правила честного поведения, выданные жестоковыйным гражданам «гуманным» Моисеем – это прямое продолжение богопротивных деяний хитрого змея в яблочном саду эдемского заповедника. Ведь если «вирус» сансарической двойственности проник в желудки первопредков вместе с яблочным соком, то свой юридический статус он обрел именно на горе Синай.

В итоге, вся эта удручающая череда событий завершается церемониальным одеревенением, зачастую лишенным всякого смысла и эмоционального трепета. Закостеневшая «праведность» истончает как искренность тех, кто танцует под ее фарисейскую дудку, так и доверие к ней со стороны здравомыслящих граждан. Вдобавок «правильность» неизбежно располагается во главе любой смуты и беспорядка просто уж потому, что они являются обязательной противоположностью ее собственного присутствия под голубыми Небесами.

(12). Стандартный текст: «#цянь #ши #чжэ #дао #чжи # хуа #эр #юй #чжи #ши». В мавантуйских версиях уже «#цянь

#ши #чжэ #дао #чжи #хуа #е #эр #юй #чжи #шоу #е», где частицы «е» придают строке ярко выраженный характер определения. Соответственно, «#цянь #ши #чжэ» равняется «# дао #чжи #хуа» («#юй #чжи #шоу» или «#юй #чжи #ши» в стандартном варианте). Начнем, как водится, с самого конца. «Юй чжи ши» и «юй чжи шоу» – это начало или голова глупости. «Хуа» – это цветок, украшение, орнамент и даже султан на древке императорского знамени из перьев зимородка (цуй хуа). Тогда «дао чжи хуа» – это цветок или украшение Дао – нечто красивое, но лишнее и никому не нужное. В главе 19 уже встречалось «украшение Дао» в виде знака «#вэнь» (культура, образование, обряд), в данном контексте вполне созвучного иероглифу «#хуа». Наконец, «#цянь #ши #чжэ» – тот, кто делает «цянь ши». Иероглиф «цянь» – впереди, заранее, продвигаться вперед; знак «ши» – знание, знать, стремиться к знаниям. Артур Уэйли считает, что «Foreknowledge may be the «flower of doctrine», but it is the beginning of folly» (Предвидение может быть «цветком учения», но это начало глупости). Роберт Хенрикс придерживается аналогичных воззрений: «And foreknoweledge is but flower of the Way, and the beginning of stupidity» (Предвидение– это всего лишь цветок Пути и начало глупости). Очаровательно, но «цянь ши» помимо «предвидения» или «знания заранее» может означать «to go forward in knowledge» или умножение своих познаний посредством накопления условных представлений. Кроме прочего, иероглиф «ши» означа-

ет «запоминать» и «записывать», а любимым занятием ученых и чиновников древнего Китая было заучивание иероглифов во все возрастающем количестве. Вполне вероятно, трудолюбие именно в этом направлении Лао-цзы и почитал за начало беспробудной глупости. Хотя, если возвратиться к строке (11), где несгибаемая «правильность» возвышается во главе смуты и беспорядка, то нетрудно заметить, что именно она всегда знает наперед, «что такое хорошо, а что такое плохо». Однако «Homo proponit, sed Deus disponit» – хомоособи, как ни предполагают, да все равно не располагают. Поэтому с важным видом знать заранее, куда повернется квантовая неопределенность божественного провидения – это … ох-ох.

Из соображений поэтических и вольнозадумчивых мы, с Мудропушистым, в строках (12) и (14) с радостью во взоре поспешим заменить «цветок» Дао его неплодоносящим «пустоцветом».

(13). (14). (15). В этих строчках великомудрый китайский Муж (#да #чжан #фу), не желая растрачивать свое драгоценное здоровье на всякий сивокуриный вздор, предпочитает всей душой погрузиться в «#хоу» (толстый, сильный, значительный), избегая ощущать себя в «#бао (бо)» (тонкий, ограниченный, незначительный и слабый). Он выбирает сочный плод (#ши), не отвлекаясь на ароматные, но невкусные цветы (#хуа). Мавантуйские копии текста вместо «#бао» предлага-

ют его омоним «#бо» (неподвижный, останавливаться, вставать на якорь), уже встречавшийся в главе 20 (я, один, будто бы встал на якорь…). Мы, с Великим Пекинесом, смиренно полагаем, что здесь он оказался из-за ошибки переписчика, впопыхах попутавшего одинаково звучащие иероглифы. Почему? Потому, что в главе 20 знак «#бо» выступает в качестве уникальной и однозначно положительной характеристики мудрокитайского волшебника. Здесь же мудромуж откровенно этот «бо» недолюбливает, стараясь держаться от него на расстоянии. Вот и Роберт Хенрикс (мавантуйский текст «B»), не зная, куда приклеить мавантуйский «#бо», решает заменить его иероглифом «#бао» из стандартного текста в виде английского «thin»: «Therefore the Great Man dwells in the thick and doesn´t dwell in the thin. Dwells in the fruit and doesn´t dwell in the flower. Therefore, he rejects that and takes this» (Потому Великий Муж пребывает в толстом и не пребывает в тонком. Пребывает во фрукто-плоде и не пребывает в цветке. Потому он отвергает то, и берет это). Перевод Ян Хин-шуна на этот раз откровенно хорош: «Поэтому великий человек берет существенное и оставляет ничтожное. Он берет плод и отбрасывает его цветок. Он предпочитает первое и отказывается от второго». Однако максимальный восторг можно испытать, только окунувшись во творение знаменитого китаеведа современности Малявина В.В.: «Вот почему великий муж находит приют в глубоком и не живет в мелком, Он находит приют в корне и не живет цветочками. Он

не принимает второе и берет первое». Потрясающе! Неразумный с вислоухим кроликом Пи-Пу, втайне мечтая прожить свои вегетарианские жизни с фруктами и овощами, а не с тюльпанами и розочками, сразу возжелали воскурить в направлении этого «правильного» профессора свою последнюю благовонную палочку. Но Великий Пекинес, встав в позу огнедышащего дракона, вдруг объявил, что на три дня откажется от сухого корма из-за спонтанно нахлынувших на него протестных настроений. Обескураженный Неразумный прервал обряд воскурения, обнажил свое правое плечо и покаянно упал в картофельные грядки, умоляя Излучающего Счастье прояснить причины столь экстренного протеста. Великий Пекинес, сострадательно наставляя, молвил следующее: «О любимый двуногий, сознание мудровеликого Мужа – это беспредельно расширяющееся сознание, преодолевающее все, что его ограничивает. Разве можно сравнить его с худосочным мышлением нервного обывателя, скованного однобокой правильностью, лицемерной моралью и корпоративными интересами. Что же касается глубин сознания, то постоянное в них пребывание весьма затруднительно. На данный момент в тех квантовых широтах обитает лишь Хамбо-лама Даши-Доржо Итигэлов, одним фактом своего существования насмехающийся как над наукой, так и всеми профессорами, вместе взятыми. Любителям медитативных заплывов редко выпадает счастье занырнуть в такие глубины, а диковинные «камешки» и «ракушки», что им время от вре-

мени удается поднять на «поверхность» их сознания, как раз и ведут к его расширению. Чем глубже нырнешь, тем шире сознание. Шире сознание – больше Света. Ныряйте, да откроется вам! Аминь».

39.

(1) [Вот кто] обрел Одно-единое в древности:
(# си # чжи # дэ # и # чжэ)
(2) Небо Одно-единое обрело – из-за этого ясное;
(# тянь # дэ # и # и # цин)
(3) Земля Одно-единое обрела – из-за этого неподвижна;
(# ди # дэ # и # и # нин)
(4) Боги Одно-единое обрели – из-за этого и божественны;
(# шэнь # дэ # и # и # лин)
(5) Долины Одно-единое обрели – из-за этого и наполнились;
(# гу # дэ # и # и # ин)
(6) Десять тысяч вещей Одно-единое обрели – оттого-то и народились;
(# вань # у # дэ # и # и # шэн)
(7) Знать и цари Одно-единое обрели – потому и установили порядок под Небесами.
(# хоу # ван # дэ # и # и # вэй # тянь # ся # чжэн)
(8) Это тому и было причиной.
(# ци # чжи # чжи # е)

(9) [Если] не оттого Небо ясное, [ох], боюсь, [как бы ни] раскололось.

(# тянь # у # и # цин # цзян # кун # ле)

(10) [Если] не оттого Земля неподвижна, [ох], боюсь, [как бы ни] расшаталась.

(# ди # у # и # нин # цзян # кун # фа)

(11) [Если] не оттого божественны Боги, [ох], боюсь, [как бы ни] обессилили.

(# шэнь # у # и # лин # цзян # кун # се)

(12) [Если] не потому долины наполнены, [ох], боюсь, [как бы ни] пересохли.

(# гу # у # и # ин # цзян # кун # цзе)

(13) [Если] не потому десять тысяч вещей народились, [Ох], боюсь, [как бы ни] вымерли.

(# вань # у # у # и # шэн # цзян # кун # ме)

(14) [Если] знать и цари не потому благородны и чтимы, [Ох], боюсь, [не были бы] низвергнуты.

(# хоу # ван # у # и # гуй # гао # цзян # кун # цзюе)

(15) Поэтому, непременно, благородству унижение служит корнем.

(# гу # би # гуй # и # цзянь # вэй # бэй)

(16) Непременно, низкое служит высокому основанием.

(# би # гао # и# ся # вэй # цзи)

(17) Вот потому знать и цари сами себя называют «Недостойными», «сирыми», «обделенными».

(# ши # и # хоу # ван # цзы # вэй # гу # гуа # бу # гу)

(18) Это ль ни применение униженности как корня? Разве не так?

(# цы # фэй # и # цзянь # вэй # бэй # е # фэй # ху)

(19) Поэтому, получив много колесниц, не имей колесниц.

(# гу # чжи # шу # юй # у # юй)

(20) Не желай сверкать и блестеть как яшма.

(# ши # гу # бу # юй # лу # лу # жу # юй)

(21) [Оставайся] простым как камень.

(# ло # ло # жу # ши)

«And the world is like an apple
Whirling silently in space»

«Windmills of your mind», Alan and Marilyn Bergman, Michel Legrand, 1968

Живописать языком неуклюжей двойственности, каким парадоксальным образом дискретные составляющие Дао-единства, им же наполняясь, приобретают полноту своих свойств, затруднительно даже мудрым древнекитайцам. Однако Лао-цзы преодолевает сию проблему легко и виртуозно, чем и провоцирует нас, с Великим Пекинесом, на восторженное повизгивание и высокочастотные повиливания хвостиком.

На наш вегетарианский нюх, чтобы сочинить первые 14

строк этой главы, надо было всерьез, а не понаслышке, «занырнуть» в Великое Тождество. Разглядеть изнутри обывательской скуки, что каждая вещь, насквозь пропитавшись Одно-единым, становится именно такой, как она есть, почти невозможно. Причем, не стоит с насупленным пристрастием взирать на причинно-следственную зависимость воспеваемых здесь спонтанно-мистических процессов. В те нафталиновые времена китайские мудротоварищи еще не исповедовали чань-буддизм, и хлопки одной лапой были не в ходу.

Соседские куры нестерпимо уверены, что эта глава, являя собой прекрасный экземпляр глубокомысленной поэзии, проста и безоблачна. Однако схимники-огородники, хмуро созерцая беготню пернатых по своему огороду, сразу воспротивились такой их уверенности. И вовсе не с бухты-барахты. Вот как, спрашивается, сочетать главу 39 с заявлениями глав 42 и 51, утверждающими, что Одно-единое рождается из Дао (гл.42), а Дао еще и порождает десять тысяч вещей (гл.51)? Глава 1 в первой же строке тихо намекает, что сермяжное Дао постоянно. Оно ничего не порождает и от Одно-единого никаким почетным местом не отличается. Так здесь все десять тысяч вещей появляются на Свет Божий только потому, что благополучно впитывают в себя Одно-единое. Как им это удается Совершенномудрый не уточняет, но процесс порождения дискретных субъектов и объектов из недвойственного Дао в столь таинственных обстоятельствах не просматривается. Короче, эта глава далеко не

безоблачна, а вздорных кур давно пора прогнать с огорода, задрав хвостик под победное рычание. Ах-ах!

Наконец, отпраздновав равномерное распределение Дао-субстанции в многообразии явленного Сущего, Мудропушистый и его неразлучный друг, вислоухий кролик Пи-Пу, озабоченно устремились в джунгли черной смородины на поиски надысь утерянного там плюшевого поросенка. Неразумный, оставшись в заброшенном одиночестве, не стал печалиться и жалобно скулить. Его пустопорожнее сознание вдруг озадачилось в высшей степени насущным вопросом. «Ах, почему Неразумный не вислоухий кролик?» – вопросил он сам себя строго и с пристрастием. Нет, кроме шуток! Для разнообразия и во имя общего развития в одной из следующих жизней непременно следует вылупиться вислоухим кроликом. Ведь Чжуан-цзы с откровенной лучезарностью во взгляде утверждает, что «Нет границы между Дао и вещью, но каждая вещь имеет предел – это, так называемая, граница вещи. Предел же безграничного – это беспредельность ограниченного» (Гл.22). Ух-ух! А раз так, то вместив в своем сердце Великое Одно и пустившись в плавание «по бескрайней Пустоте, где появляется Великое Знание», разве трудно будет вынырнуть на «поверхности» сермяжной Реальности (гл.1) в виде иллюзорной рупа-формы под названием «вислоухий кролик»? Ведь все субстанциональные конфигурации в силу их изначальной беспредельности ничем Дао-реальностью не ограничены, и лишь квантовая неопределен-

ность беспощадно определяет, быть ли им вислоухим кроликом или принцессой Турандот. Вот интересно, что бы вымолвил на этот счет Великий Чжуан-цзы?

В мавантуйских вариантах текста строки (6) и (13) отсутствуют. Строки (9), (10), (11), (12) и (14) в тексте «А» начинаются с иероглифа «#вэй» (говорить, называть, полагать, иметь в виду). В версии «В» знак «вэй» есть только в начале строки (9). Кроме того, даже за французскую шоколадку «Cote d'Or» с белым слоном на красной коробочке мы не захотим пройти мимо знака «#кун» (бояться-опасаться, тревожиться и горевать), приютившегося на предпоследних позициях в строчках (9)-(14) и придающего описываемым в них космологическим процессам мощную эмоциональную окраску (в нашем исполнении – «ох, боюсь!»). Странно, но в переводах он почти не встречается, выветриваясь в неизвестном направлении по неведомым нам причинам.

В отличие от остальных текстов на мавантуйских шелковых свитках в строках (15) и (16) заметно присутствие иероглифов «#би» (конечно, непременно, обязательно) и «#эр» (и; но; еще и). Роберт Хенрикс отмечает, что «The particle «erh» («and yet») in the middle of lines 13 and 14 in Text A (but only in line 14 in B) suggests a possible reading of «Therefore, it must be the case that even though they are noble, nonetheless, they take the base as their root. And it must be the case that even though they are high, nonetheless, they have the low for their foundation» (Частица «эр» в середине срок 13 и

14 (у нас (15) и (16)) текста «А» (в тексте «В» только в строке 14) предполагает следующее прочтение: «Поэтому, хотя они и благородны, тем не менее, они берут низких в качестве своего корня. Хотя они и высоки, тем не менее, они имеют низкое в своем основании). Мы, следуя в переводе за стандартным вариантом текста, да не убоимся во имя торжества древнекитайского благозвучия привлечь иероглиф «#би» из мавантуйских свитков. Признаться, строчки (15)-(18) никаких затруднений при честном переводе не представляют и растолковывать в них особо нечего. Поэтому, оставив «хоу» и «ванов» с их симуляцией душевной близости обездоленным массам рабочих и крестьян, мы поспешим погрузиться в заключительный фрагмент этой главы – один из самых загадочных в бессмертной книге под названием «Дао Дэ цзин».

(19). Во всех рассматриваемых вариантах текста строка (19) выглядит как «#гу #чжи #шу #юй #у #юй», где первый иероглиф «гу» (поэтому, по причине) извещает о логической связи предшествующих ему сентенций с тем, что за ним следует. «Чжи» – достигать-получать, осуществлять-реализовывать. «Шу» – число, количество, несколько, много, нумеровать. «Юй» – повозка, колесница. «У» – не иметь, нет. «Юй» – снова повозка, телега или колесница.

Мудрофилософы планеты за две с лишним тысячи лет к миролюбивому консенсусу в отношении этих шести иероглифов так и не пришли. Одни полагают, что Лао-цзы при-

зывает здесь сосчитать все детали колесницы, дабы удостовериться, что каждая в отдельности ею не является. Например, Wing-tsit Chan: «Therefore enumerate all the parts of a chariot as you may, and you still have no chariot» (Поэтому, пронумеруй, как только сможешь, все части колесницы, а все равно колесницы не имеешь). К сожалению, в тексте нет даже намека на запчасти к гужевому транспорту, а знак «# чжи» при таком развитии событий откровенно оказывается не у дел. Да, что там «чжи»: вся строка выбивается из контекста, невзирая на иероглиф «#гу», обещающий строгие оргвыводы из всего преждесказанного. Иные мыслители убеждены, что речь в строке (19) идет о военной мощи хитромудрого вождя, прекрасно осведомленного о количестве своей боевой техники, но предпочитающего стыдливо имитировать этой осведомленности отсутствие. Роберт Хенрикс: «Therefore, they regard their large numbers of carriages as having no carriage» (Поэтому они считают большое число своих колесниц как отсутствие колесниц). Хорошо, но снова нервирует знак «чжи», не имеющий никакого отношения к глаголу «to regard» (думать, считать, рассматривать). Третья категория ученых мужей видит в иероглифе «#юй» (колесница) схожий с ним «#юй», означающий «репутация, хвала и слава». Роджер Эймс и Дэвид Холл: «Hence the highest renown is to be without renown» (Поэтому высшая слава – это быть без славы). Lau Din-cheuk: «Hence the highest renown is without renown». Откуда произрастают такие настроения? Да

у Чжуан-цзы встречается нечто похожее: «Но существует ли на самом деле счастье? Я считаю настоящим счастьем недеяние (У-вэй), а толпа считает это великим мучением. Поэтому и говориться: «Высшее счастье в отсутствии счастья, высшая слава в отсутствии славы» (Чжуан-цзы, Гл.18, Позднеева Л.Д. 2006). Наконец, Рихард Вильгельм в 1910 году предпринял еще одну смелую попытку придать строке вразумительное звучание: «For: without its individual parts there is no carriage» (Потому: без отдельных частей нет колесницы). К сожалению, в тексте слишком многого не хватает для перевода «чжи шу юй у юй» таким образом.

Мы, с Великим Пекинесом, честно оставляем строку в ее древнекитайском покое и максимальном приближении к оригиналу: «Поэтому (#гу), получив (#чжи) много (#шу) колесниц (#юй), не имей (#у) колесниц (#юй)». Почему? Because, древнекитайский президент, торжественно усаживаясь лицом к теплому Югу, получал в свое распоряжение не только сундуки с золотом и яшмой, но и вооруженные силы своего султаната. В те времена кавалерия была в зачаточной стадии становления, а железо только начинало вытеснять медь в процессе производства холодного оружия. Вполне возможно, несколько десятков боевых колесниц уже дозволяли заносчивому ван-султану вести себя хамским образом по отношению к своих миролюбивым соседям. Собственно, иероглиф «шу» означает скорее «несколько», нежели «много». Так для мудромыслящего вана-правителя вели-

кодержавно задиристое поведение было неприемлимо. Поэтому в контексте того, что заявлено в строках (15)-(18), он, имея под ружьем тяжелую кавалерию, не впускал ее в свою пушистую голову, предпочитая направлять развитие конфликтных ситуаций в сторону наименьшего кровопролития и мирнолюбивого прогресса.

(20). (21). В текстах Ван Би, Хэшан-гуна и Фу И строка (20) записана как «#бу #юй #лу #лу #жу #юй», где «бу юй» – не желать; «лу» – нефрит, «жу» – быть похожим; «юй» – яшма, нефрит, драгоценность (твердый, совершенный и безупречный как нефрит). Строка (21) выглядит как «#ло #ло #жу #ши», где «ло» – ожерелье из нефрита и жемчуга; «жу» – быть похожим; «ши» – камень, булыжник (твердо-прочный как камень). У Фу И вместо знака «жу» присутствует иероглиф «#жо», означающий то же самое, что и «жу». В мавантуйском варианте «В» (в тексте «А» недостает четырех иероглифов) строка (20) – «#ши #гу #бу #юй #лу #лу #жо #юй», где «ши гу» – таким образом, по причине, в результате; «бу юй» – не желать; «лу» – счастье, карьера, служебное благополучие, жалование, доход; «жо» – быть похожим; «юй» – яшма, нефрит, драгоценность. Строка (21) также выглядит иначе – «#гэ #гэ #жо #ши», где «гэ» – камень, валун; «жо» – быть похожим; «ши» – камень, булыжник. Учитывая, что в мавантуйских текстах эти строки начинаются с сочетания «#ши #гу» (таким образом, потому), мы поспе-

шим от него плавно уклониться. В строке (19) уже имеется иероглиф «#гу» (поэтому), и лишний раз резюмировать одно и то же…. Очевидно, по этой причине «ши гу» и исчезает из более поздних текстов, что в данном случае, несомненно, пошло им на пользу.

Из этого нагромождения иероглифов, вырисовывается следующая китайская мудрость: «Не желай «лу-лу» как яшма, «ло-ло» (гэ-гэ) как камень». Вот и все. Остается разузнать, что такое «лу-лу» и «ло-ло». Подобные биномы-идиомы по своему смыслу часто отличаются от значений иероглифов, их составляющих. В стандартном тексте «#лу #лу» – это редкий и необычный, rare, scarce, сверкать и блестеть, to glitter, to dazzle; «#ло #ло» – твердый, обычный, простой или нечто, лежащее кучей в неисчислимом количестве, например, насыпь из щебня или гальки, common, ordinary. Во втором мавантуйском тексте «#лу #лу» – обычный и заурядный, а «#гэ #гэ» – куча из камней.

Строго взвизгнуть, строки должны читаться, как «не желай быть ни редко-блестящим как яшма, ни твердо-простым как камень». Но тогда они преображаются в совершенно самостоятельное явление, никак не связанное со строкой (16), утверждающей, что «низкое служит высокому основанием». Например, Lau Din-cheuk: «Not wishing to be one among many like jade nor to be aloof like stone». Малявин В.В.: «Не желай ни блестеть, словно прекрасная яшма, ни быть твердым, словно простой булыжник». Возможно, умудренным китай-

цам было тепло и уютно ощущать себя где-то между престижной яшмой и никому не нужным булыжником, но возникает вопрос, в каком конкретно месте и, собственно, во имя чего? Не найдя на него благоразумного ответа, мы, с Великим Пекинесом, наивно полагаем, что максимально пронзительный смысл сей фрагмент приобретает лишь в том случае, когда яшма и придорожный камень, следуя постулатам строк (15) и (16), выступают в непримиримой противофазе. Возомнить себя драгоценной яшмой, высокомерно искрясь и царственно поблескивая, все одно, что сворачивать с ровного Дао-пути на узкие горные тропы (гл.53) или принимать гостей угощением из объедков (гл.24). Для людей такое поведение – причина для недовольного фыркания и не только.

Быть ближе к народу как бесхитростный булыжник или необработанная древесина (пу) из главы 19 вовсе не означает культивацию доморощенного идиотизма, свойственную вечно встающим с колен агрессивным козлобаранам. Отнюдь…. Яшма – тот же камень. Лишь сознание, пребывающее в тумане сансарического неведения, наделяет ее дорогостоящими свойствами. Так либо эти строки являют собой инородное вкрапление, не имеющее никакого отношения к описываемым в этой главе происшествиям, либо в последней строке утрачены несколько иероглифов, необходимых для противопоставления «сермяжного» камня «привилегированной» яшме.

Во имя пущей важности и торжества мудрокитайской

справедливости мы, с Великим Пекинесом, осмелимся озвучить разнообразные переводы этих загадочных строк. Роберт Хенрикс (мавантуйский текст «B»): «And because of this, they desire not to dazzle and glitter like jade, But to remain firm and strong like stone». Рихард Вильгельм: «Do not desire the glitter of jewel but the raw roughness of the stone». Артур Уэйли: «They did not want themselves to tinkle like jade-bells, while others resounded like stone chimes». Ян Дюйвендак: «Its desire is not to be finely carved like jade, but to be scattered like gravel». Роджер Эймс и Дэвид Холл: «They do not want to be precious like jade, But common like stone». Ян Хин-шун: «Нельзя считать себя «драгоценным», как яшма, а нужно быть простым, как камень».

40.

(1) «Отступление» – [так] движется Дао.
(# фань # е # чжэ # дао # чжи # дун # е)
(2) «Ослабление» – [так] действует Дао.
(# жо # е # чжэ # дао # чжи # юн # е)
(3) Под Небесами десять тысяч вещей
Существуют [относительно того], что есть.
(# тянь# ся # вань # у # шэн # юй # ю).
(4) То, что есть, существует [относительно того], чего нет.
(# ю # шэн # юй # у)

«As far as the laws of mathematics refer to reality, they are not certain;
and as far as they are certain, they do not refer to reality»
Albert Einstein

«Цзи Вэнь-цзы обдумывал каждое дело три раза, а потом уже действовал.
Учитель, узнав об этом, сказал: «Достаточно обдумывать два раза»
«ЛУНЬ ЮЙ», Древнекитайская Философия, перевод Кривцова В.А., том 1, 1972

Andante Maestoso

«Страдал Гаврила энтропией...»
Известно каждому Гавриле,
Что Ньютон, Максвелл и Эйнштейн,
Свои законы сочиняя,
Забыли в них предусмотреть
Одно невинное условие.
Пустяк! Их хоть какую связь
С движением времени неспешным.
Сюда, из глубины веков,
К нам – их потомкам безутешным.
Без разницы законам этим
Течение времени вперед,

И их счастливое забвение
Сбивало с толку всякий раз
Всех, кто пытался безуспешно,
Штурмуя тайны Бытия,
Причину временного направления
В пространстве отыскать без промедления.
Тут мудрый Больцман к нам на помощь
Спешит, и жизни не щадя,
Божественною энтропией связует времени поток.
Термодинамики законом строжайше запрещая всем,
Увеличению энтропии препятствовать.

И по Вселенной всей Указ сей оглашен немедля,
И исполнению подлежит с начала Времени течения.

(1). (2). Весело покаяться, так мы, с Великим Пекинесом, не ожидали столь напряженной задумчивости от этой миниатюрной главы. Соседские куры всегда относили ее к средней категории сложности, но схимники-огородники никогда не разделяли их легкомысленного кудахтания. Что до мудрокота Кости, то он по всем вопросам предпочитает занимать хитропозицию обделенного сметаной философа-недотроги. Вот и сейчас, молниеносно умяв заветную порцию этого кисломолочного продукта, он бессовестно ослаб, уронив себя в беспробудное «Самадхи» до самого ужина. Не дождавшись его принципиального мнения, пушистые схимни-

ки в сотый раз приняли сердитую декларацию об ущемлении прав и свобод всех ненасытных котов в пределах юрисдикции их вольного огорода.

В мавантуйском тексте «А» первые три иероглифа строки (1) не сохранились, но в версиях Хэшан-гуна, Фу И, Ван Би и в мавантуйском тексте «В» строка начинается знаком «# фань», символизирующим реверсивное движение и обладающим следующими восхитительными значениями: возвращаться, отступать, пятиться назад, опрокидываться, уходить в себя и выворачиваться наизнанку. На годянских дощечках знак «#фань» выглядит чуть иначе, откровенно тяготея к значению «возвращаться», но годянский бамбук, как утверждают соседские пеструшки, погоду на деревне не делает.

Решительное «возвращение», превалирующее в толкованиях первой строки, очевидно, является следствием беззастенчивой экстраполяции природоведческих наблюдений царя Екклесиаста (Книга Екклесиаста или Проповедника, гл.1-5,6,7) на философскую почву древнего Китая. Раз Солнце, ветер и реки возвращаются на круги своя, то, почему бы и Дао не вести себя тем же ветхозаветным образом? «Return is the movement of the Way», – считают Рихард Вильгельм и Томас Клири. Lau Din-cheuk: «Turning back is how the way moves». Артур Уэйли: «In Tao the only motion is returning». Чудесно! Вот только, что и куда «return» и «turning back»? For example, в главе 16 десять тысяч вещей безропотно и в порядке общей очереди возвращаются к своему Дао-корню.

Здесь же их передвижения Совершенномудрым не рассматриваются. Здесь он говорит о том, как «движется» постоянное Дао сквозь пестрый мир нестабильной множественности. Так ежели «возвращение» – это то, как Дао проявляет себя в дискретных предметах, то относительно чего трезвые китайцы ощущали направление этого судьбоносного движения? Неужто, относительно Солнца, Луны и круговорота жидкости в водоемах Поднебесной? Маловероятно. Природные циклы – это те же перемещения вещей и предметов в пространственно-временном континууме вокруг задумчивых древнекитайцев. Универсальный же характер Дао-активности должен был прослеживаться во всем многообразии благоухающего Сущего, а не только в явлениях, вовлеченных в какую-либо циркуляцию круговращения («циркуляция круговращения» – емконаучное выражение мудрокота Кости для обозначения передвижений возбужденных колхозников у деревенского магазина в дни их шовинистических торжеств). Начиная с Большого Взрыва, если он, вообще, имел место быть, мироздание развивается асимметрично, из-за почему «возвращение» не в состоянии претендовать на почетное звание функции глобального масштаба. Кроме того, у Лао-цзы Дао, обычно, действует «Не Действием» (У-вэй), а его мистическое «движение» нигде в тексте более не упоминается, что уже вызывает лично у нас обильные, но подозрительные пофыркивания.

Накал философских страстей ощутим и при ином истол-

кования знака «фань». Ян Хин-шун: «Превращение в противоположное есть действие Дао». Лукьянов А.Е.: «Переход в противоположность (опрокидывание) – движение Дао». Не скроем, жгучий антагонизм непримиримых крайностей посреди их завуалированного единства время от времени вдохновлял древнекитайский пролетариат на рукопашную борьбу со своими эксплуататорами. Но вряд ли Лао-цзы страдал по молодости буйным марксизмом. И хотя диалектические настроения встречаются в «Дао Дэ цзин» не однажды (гл.22,36,58,63), допустить, что в патриархальном Китае «опрокидывание» противоположностей друг на друга случалось так часто и повсеместно, чтобы быть возведенным в ранг вечного движения, мы не поспешим. Ведь перетекание одних крайностей в другие случается лишь на фоне неподвижно стоящего обывателя, чья неподвижность также со всех сторон обусловлена. Признаться, любые действия и передвижения относительны во всех случаях. Оттого и невозможно вразумительно определить, куда и как «движется» недуальное Дао. Какую точку отсчета ни выбирай, она будет слаба и уязвима.

В строке (2) древнемудрые желтокитайцы продолжают с помощью иероглифического письма отображать волшебные «проявления» фундаментальной Реальности в иллюзорном мире динамического дуализма. Если иероглиф «фань» напоминал им то, как «движется» Дао, то для описания «образа действий» Великого Тождества они уже выбрали знак

«#жо» (слабость, мягкость, ослабление). Ян Хин-шун: «Слабость есть свойство Дао». Брависсимо! Но, если Дао – это «Не Вещь» (гл.14), то к чему же привязывать свойства? Малявин В.В.: «… слабость – это применение Пути». Ах! Даже толстые утки с другого конца деревни в курсе, что «одинокая» слабость не способна участвовать в мероприятиях по применению точно так же, как абстрактная сырость и сивокуриная глупость.

Почему мы, с Мудропушистым, не ощущаем здесь иероглиф «жо» как «слабость»? Потому, что «слабость» – это условно-статическое качество или, на худой конец, результат проявления чьих-либо замечательных свойств и качеств, а во второй строке так же, как и в первой, Лао-цзы повествует о процессах непрерывных и в высшей степени универсальных. На просторах русского языка любые процессы наиболее отчетливо описываются отглагольными существительными (возвращение, отступление, ослабление). Маслов А.А.: «Ослабление – это использование Дао». Торчинов Е.А.: «Ослабление – вот в чем использование Дао-Пути». Лукьянов А.Е. против применения Дао: «Ослабление – действие Дао». Иероглиф «#юн» (применять, использовать, расходовать, действовать, to use, to employ, to act, to function) дозволяет использовать все, что нравится, но Всевышний к применению Формы Бесформенного (гл.14) двуногих зверюшек не адаптировал. Извлекать что-либо себе на пользу можно лишь из десяти тысяч вещей. Поэтому глаголы «исполь-

зовать» и «применять» в отношении Дао просто неуместны.

Лао-цзы, как любой грандиозный путешественник по Колее Дао-пути, не сильно переживая о собственном спасении из иллюзорного круговорота рождения и смерти, живо интересовался насущными проблемами божественного природоведения. Вот сия глава и посвящена главному вопросу этой чарующей дисциплины: каким таким тихим образом постоянное Дао проявляет себя в мире стремительных метаморфоз? Так нежданно получается, что уже в те замшелые времена китайцы с поразительной гениальностью подметили нечто для всех изменений и перемен общее – ослабление или деградацию во времени всего, повсюду и везде. В пределах еврозоны задумчивые граждане пришли к такому же выводу во второй половине 19 века, назвав древнегреческим словом «энтропия» меру необратимого выветривания энергии в термодинамических процессах. В широконаучном смысле энтропия любой замкнутой системы, будь то паровоз, человеческое тело, банка квашеной капусты или наша хрупкая вселенная, всегда растет, знаменуя собой неотвратимую победу свободолюбивого хаоса над законопослушным порядком. Почему? Да вероятность устремления сложной системы к беспорядку множественно превышает вероятность ее развития в обратном направлении. Порядок постоянно требует вливания энергии, а беспорядок расходует то, что есть. Возьмем за ради примера огород схимников-огородников… Вот не дай ему вовремя воды, заботы и внимания, он тебе

быстро все про энтропию объяснит. Кроме прочего, всяк любознательный Гаврила каждое мгновение своего существования ощущал, собственно, что? Ай? Время! Он не испытывал ни малейших сомнений в том, что вчера было вчера, а завтра наступит именно завтра. Однако, прослушав курс лекций по элементарной древнекитайской физике, Гаврила тут же впадал в недоумение: «Pourquoi ни один из физических законов не реагирует на «стрелу времени» или его стремительное течение в направлении светлого будущего?» «Как это никто не реагирует?» – строго отвечал ему Совершенномудрый, – «А энтропия? Ведь она только и делает, что растет. Это ли не повод для безжалостного времени быть безжалостным и неумолимым?» Короче, коль расстараться и опрометчиво определить, как ведет себя постоянное Дао в изменчивом макромире, то именно неотвратимое повышение энтропии всего, от альфы до омеги, выступает в роли самой общей вселенской закономерности. Как поют любимые соседскими курами вокально-плясовые ансамбли «Boney M» и «Eruption», «One way ticket! One way ticket! Chu-chu train, ля-ля-ля!»

Соответственно, мы, с Великим Пекинесом, из всего ассортимента реверсивного движения, обозначаемого иероглифом «фань», выбираем «отступление» по всем фронтам. Ведь все субъекты и объекты, выпукло выделяясь на фоне гомогенно-изотропного космического пространства, так или иначе отстаивают свои права на обособленное существова-

ние. И только Дао будто в испуге и унижении беспрекословно пятится назад, уступая абсолютно всем и абсолютно во всем. По мере своего отступления Дао ослабляет десять тысяч вещей, стачивая их острые края, смягчая их яркий блеск и, в конце концов, изматывая их до окончательного изнеможения (гл.4). «Дао Неба – не сражаясь, искусно всех побеждать» – по-секрету сообщает Лао-цзы благую весть всем упрямым и неуступчивым домохозяйкам (гл.73).

(3). (4).
«Hey Jude, don't make it bad.
Take a sad song and make it better.
Remember to let her into your heart,
Then you can start to make it better»
«Hey Jude», The Beatles, 1968

В мавантуйском тексте «А» от этих строк остался лишь первый иероглиф. Строка (3) у Хэшан-гуна и Ван Би – «#тянь#ся #вань #у #шэн #юй #ю», где «тянь ся» – под Небесами; «вань у» – десять тысяч вещей; «шэн» – жить-существовать, возникать-рождаться; «юй» – универсальный предлог (в, на, от, из, ради чего-либо, по сравнению, по отношению); «ю» – то, что существует и есть в наличии. В годянском, мавантуйском «В» и тексте Фу И вместо десяти тысяч вещей наблюдаются просто вещи – «#тянь #ся #чжи #у #шэн #юй #ю».

Обычно, сочетание иероглифов «шэн юй» ощущается как «рождаться из». В результате этого ощущения любопытное человечество имеет ветхокитайское послание, со всей серьезностью рапортующее о том, что десять тысяч вещей возникают из иероглифа «#ю» или того, что и так уже есть на белом Свете. Поскольку «то, что есть», ничем особо удивительным от десяти тысяч вещей (#вань #у) не отличается, строка (3) автоматически выливается в понурую банальность а-ля «десять тысяч вещей рождаются из тех же самых вещей». Строка (4), развивая эту глубокомысленную мысль, выносит окончательный диагноз размножению древнекитайских предметов, причем, на первый взгляд в двух различных вариантах. В стандартном и втором мавантуйском текстах это «#ю #шэн #юй #у» – «то, что есть (ю), рождается из того, чего нет (у)». В годянской версии иероглиф «#ю» отсутствует, а вместо отрицания «у» наблюдается знак «ван» – погибать, исчезать и спасаться быстрым бегством (#шэн #юй # ван). Соответственно, вещи (у) под Небесами (тянь ся) рождаются (шэн) как из того, что есть (юй ю), так и из того, что исчезло с глаз долой (юй ван). Возможно, годянский вариант этих строк случился из-за ошибки переписчика, но в равной степени нельзя исключать, что он как раз и является оригинальным.

Сумбурные истолкования этой мистики представлены в следующих шедеврах отечественного производителя: «В мире все вещи рождаются в бытии, а бытие рождается в небы-

тии» (Ян Хин-шун); «Мириады существ в Поднебесной рождаются из бытия. Бытие же рождается из небытия» (Маслов А.А.); «Все в Поднебесной сущее рождается из наличия, но само наличие рождается из отсутствия» (Торчинов Е.А). «Все вещи в мире исходят из сущего, а сущее исходит из отсутствующего» (Малявин В.В.). Ах! Философская интенсивность этаких деклараций настолько интенсивна, что впечатлительным домохозяйкам нелегко устоять перед их кажущейся значимостью. For example, сиротливые «наличие» и «отсутствие» в переводе Торчинова Е.А. на просторах русского языка бессмысленны без поясняющих дополнений: абстрактное «наличие» – это вовсе не шуршащая наличность. Вещи, исходящие у Малявина В.В. из сущего – это даже не смешно. Если профессор не в курсе, что Сущее – это и есть десять тысяч вещей, то, как он, вообще, оказался рядом с «Дао Дэ цзин»? Что до «бытия» с «небытием», то древнекитайцы, ввиду регулярной нерегулярности культурно-караванного сообщения между их родной Поднебесной и почти неведомой им Грецией, слов таких диковинных и слыхом не слыхивали. Парменид Элейский хоть и жил во времена Конфуция, но допустить, что он телепатировал свою философию в древний Китай мы, с Великим Пекинесом, не захотим. К счастью, Парменид не был ни членом-корреспондентом, ни профессором «кислых щей» и, очевидно, поэтому его философские прозрения так же, как прозрения Лао-цзы, точны, свежи и ароматны даже спустя две с половиной тыся-

чи лет с момента их провозглашения. При том, что его знаменитые «бытие» и «небытие» претерпели во времени всевозможные умозрительные мутации, именно их оригинальное содержание, на наш инфантильный нюх, заслуживает искреннего восхищения. Итак, Парменид оставил домохозяйкам всех времен следующие максимы в нашем, с Мудропушистым, вольном их изложении:

– Во всех четырех пределах есть только БЫТИЕ, которое никогда не рождалось и не способно умереть.

– У БЫТИЯ нет ни прошлого, ни будущего. Оно абсолютно однородно, совершенно и имеет форму шара, безмятежно пребывая в постоянстве ТАКОВОСТИ.

– Все, о чем возможно помыслить – это Бытие. НЕБЫТИЯ же в дикой природе просто нет.

За исключением «формы шара», все это очень напоминает рассуждения из одной знакомой нам книжки в пять тысяч иероглифов. Вот как тут избежать сеансов телепатии из древнегреческого времени в древнекитайское пространство? Причем, современная физика полностью поддерживает Парменида в его отрицании НЕБЫТИЯ. Все, что угодно: вакуум из виртуальных частиц, струны из немыслимых измерений, но никакого мутного небытия на просторах цветущего мироздания.

Согласно философской терминологии, «бытие» – это и

есть существующее Сущее или в нашем случае все те же беспокойные китайцы с их бесконечными вещами и родственниками. Многозначительная констатация очевидного факта, что все они рождаются из бытия, хоть и звучит безапелляционно и строго, на самом деле ничем не отличается от прозаической аксиомы, согласно которой кошки рождаются посреди кошек, а мышки возникают в обществе мышек. В патриархальном Китае иероглифы «#ю» и «#у» обладали исключительно бытовыми значениями, не неся на своих плечах никаких онтологических наслоений (гл.2,11). «Ю» – это то, что есть или элементарное наличие чего угодно, а «у» – то, чего нет или элементарное отсутствие чего-либо в пространственно-временном континууме. То есть, вслед за возникновением в строке (3) пушистых кошек и их блошек изнутри таких же кошек и блошек (#тянь#ся #вань #у #шэн #юй #ю), строка (4) резко озадачивает свежей неожиданностью. Оказывается, все десять тысяч вещей обладали непростой магической способностью возникать и появляться из заколдованного небытия (#ю #шэн #юй #у) или, на худой конец, из того, что предварительно исчезло в этом безутешном направлении по завету годянских бамбуковых палочек (#шэн #юй #ван).

Мы, с Мудропушистым, даже по революционным праздникам не поощряем грешные помыслы о существовании несуществующего, честно принимая отрицание «#у» за свободные от китайских вещей атмосферные пустоты. Однако и в этом случае картина вырисовывается унылой и безжиз-

ненной, если не взвизгнуть большего. Почему? Да на нашем вольном огороде морковка, свекла и капуста, не говоря уж о легкомысленных одуванчиках, никогда не возникали из свежего воздуха. Хотя не все так однозначно: запротоколированное образование материальных и, что самое удивительное, съедобных объектов из отсутствия всяческого присутствия встречается как в Ветхом, так и в Новом Завете. Сначала это хлебобулочное вещество белого цвета, сорок лет без устали осыпающееся с небосклона на головы вечно голодных иудеев (Исход.16). Затем чудесное размножение реквизированных у запасливого мальчика пяти ячменных хлебов с двумя дохлыми рыбешками во имя насыщения неуправляемой толпы религиозно-взволнованных граждан, куда менее запасливых, но столь изнурительных, что даже Сын Божий поспешил скрыться от них без жарких проповедей и пылких наставлений (Евангелие от Иоанна, 6).

Так куды крестьянину податься после обнюхивания всей этой «несъедобной фигни», по меткому выражению мудрокота Кости, надысь отлизнувшего патриотической сметаны из папуасского пальмового масла. Ужель Великий Лао-цзы к строкам сим руку приложил? Иль мы толкуем иероглифы неверно? Ай-яй! Пускай на нас наложат епитимью. Скорей! Страдать за правду – это наслаждение! Короче, если унять внезапную поэзию, мы, с Великим Пекинесом, видим только два варианта благополучного исхода из создавшейся ситуации. Либо до конца кальпы вкушать пафосную чепуху

про рождение наличия из отсутствующего присутствия, либо пристально ощутить сочетание «#шэн #юй» под совершенно иным философским наклоном.

Конечно, «шэн юй» – это «когда-то и куда-то уродиться», но знак «шэн» в одинаковых пропорциях означает как «рождаться-возникать», так и «жить-поживать» (гл.2), а мультиобширный предлог «юй» помимо прочего способен передавать степени сравнения или означать «по отношению к чему-либо» (with reference to; in regard to). Современному китайцу «шэн юй» как «рождаться или существовать по отношению к чему-либо» будет резать слух, но две с лишним тысячи лет назад… Кто может знать? Собственно, релятивистские переживания терзали древнекитайцев не так уж и часто. Вот нахлынь они на них без предупреждения, какими бы иероглифами они их выразили? Лично мы кроме предлога «юй» ничего предложить им не в состоянии. Так либо фиолетовый трюизм на грани отсутствия всяческого смысла, либо качественная переоценка бинома «шэн юй», мгновенно преображающая весь этот мучительный вздор в мудрокосмическую декларацию относительности и обусловленности всего и вся под прозрачными Небесами. При таком восприятии этой проблемы все версии «Дао Дэ цзин» смысловой разницы не содержат, и любая домохозяйка, мыслящая усердно и отчетливо, легко разглядит на своей любимой кухне, что возникновение и существование любых вещей и явлений обусловлено как наличием таких же вещей в строке

(3), так и их тривиальным отсутствием в строке (4).

Возьмем для наглядности резиновую морковку Мудропушистого. Морковка является морковкой только потому, что на огороде растут другие овощи, скажем, бананы или персики. Только по отношению к чему-либо иному она приобретает в сознании хомоособи свой привлекательно-оранжевый образ. Так на бескрайних просторах вселенной все зеленые лягушки и пушистые зверюшки, нахальные куры, саблезубые тигры и ленивые двуногие лемуры рождаются, живут и умирают лишь как относительные рупа-формы, которые ни в коей мере не обладают мало-мальски ощутимым независимым существованием. В дикорастущем мироздании нет таких одиноко торчащих сущностей, как «абсолютный лемур» или «вечнополосатый тигр». Существование любого субъекта и объекта неминуемо обусловлено как присутствием вокруг него разнообразных мышек и кошек, так и их прозаическим отсутствием. Кроме того, обособленные существа и предметы обладают потрясающей способностью внезапно появляться там, где их до этого не было. При этом суеверной домохозяйке всегда кажется, что возникают они прямиком из тревожного небытия, прячущегося где-то там, за обрывистым краем вселенной. Навязчивая галлюцинация, согласно которой помимо многообразия Сущего, существует еще и его зияющее отсутствие, настолько устойчива в сознании обывателя, что выветрить ее оттуда почти невозможно. К слову, стандартная теория Большого Взрыва при всей ее

несомненной гениальности бессовестно поощряет мрачную идею существования несуществующего, всячески провоцируя беззащитных домохозяек на поиски того, что же этому странному взрыву, в конце концов, предшествовало.

Помимо вышевзвизгнутого, нестерпимо напрашивается тревожная задумчивость: про что, вообще, хотел сказать автор этой маленькой, но очень загадочной главы. Если допустить, что в строках (3) и (4) затрагивается проблема генезиса десяти тысяч вещей, то глава рассыпается на две не связанные друг с другом части. Вот тут Дао куда-то движется и зачем-то действует, а там все и в изобилии рождается из древнегреческого небытия. Как говорят веселые французы, «Was ist das?» Что означают эти разношерстные мысли об самом главном?

Религиозный восторг, ежедневно испытываемый вислоухим кроликом Пи-Пу после вкушения первой морковки, достиг своего апогея в прошлую пятницу в виде хвалебного гимна во славу Благодатного и всех честнопорядочных святых:

Будда, Будда, ты могуч!
Ты гоняешь стаи туч
В дождик с неба воду льешь
И морковку нам даешь!
Тру-ля-ля,
Тру-ля-ля,

Очень любим мы тебя.

Пушистые схимники возрадовались этой освежающей мантре, и теперь поют ее хором перед ужином в благодарность за еще один беззаботно прожитый день на вольном огороде, что рядом с грибной опушкой березового леса на маленькой, но прекрасной планете Земля. Вольный кот Костя, в начале главы бессовестно уронивший себя в беспробудное «Самадхи», резво очнулся на последнем «тру-ля-ля» и тут же объявил о новой порции своих лучезарных сновидений, в коих он чудесным образом узрел все ответы на загадки главы под номером 40: «О добрые братья во Дхарме чудесной, все уважающие себя котики, пристально наблюдая в строках (1) и (2) за «движением» и «действием» Дао, задают себе закономерный вопрос о системе отсчета, внутри которой эти процессы текут, журчат и происходят. Вот относительно чего Дао повсюду отступает и все при этом ослабляет? Ай? Конечно, относительно гордых двуногих лемуров и их нескончаемых вещей. Так Лао-цзы и доносит до древнекитайских домохозяек благую весть именно о том, что Дао хоть и движется так, а действует этак, выбранная в строчках (3) и (4) система отсчета нехороша: она ущербна и неустойчива. Почему? Да потому, что вся тьма вещей и зверюшек существует не сама по себе, спонтанно и самостоятельно, а относительно и в зависимости от того, что есть, и от того, чего нет, от кошек и мошек, от дождика в четверг и снегопада во

вторник, от сострадания честной домохозяйки и от жадности очередного, но снова подлого ван-султана, паразитирующего на членах населения, вверенного ему Всевышним королевства. Что касается Дао-реальности, то за неимением себе противоположности, ей и передвигаться-то некуда. Именно поэтому истинносущий Татхагата приходит из ниоткуда и уходит в никуда (Алмазная Сутра). «Действует» же Дао исключительно в общеукрепляющем стиле «У-вэй» (Не Действие) (гл.37). Как выглядел «У-вэй» в исполнении мощного мудрокитайца, чьи нехитрые повадки были идеально синхронизированы с божественным потоком Сермяжной Реальности, в общих чертах озвучено в главе 2: рыцарь сей ничего не начинал и не удерживал, ни за что не цеплялся и ничем не обладал, никуда как баран не упирался и не испытывал головокружения от успехов и рыцарских побед. Собственно, последняя строка главы 3 прекрасно отвечает на все обнюхиваемые здесь вопросы древнекитайского естествознания: «Вэй У-вэй (действуй Не Действием), и нет ничего, чем править». Если нет ничего, чем править, то с таким же успехом нет ничего, что бы действовало или двигалось сквозь иллюзорный мир десяти тысяч вещей и явлений. Мяу, я все сказал».

Если от избытка любознательности озаботить себя реконструкцией этой главы из случайного нагромождение китайских недоумений в нечто осмысленно единое, то мы, с Великим Пекинесом, поспешим звонко взвизгнуть, что в середине главы не хватает одной, но судьбоносной строчки. Все,

что необходимо для привязки строк (3) и (4) к строкам (1) и (2), так это элементарное указание на систему отсчета. For example: Дао (#дао) действует (#юн) и (#эр) движется (#дун) относительно (#юй) десяти тысяч вещей (#вань #у). Почему в тексте нет такой подсказки? Ну либо древнекитайские домохозяйки были так шустры и догадливы, что она им не требовалась, либо глава представляет собой сугубо личные зарисовки, сделанные Лао-цзы после наплыва на него лучезарных прозрений. Записки сии не были предназначены для всеобщего обозрения, а ему самому все и так было ясно как пареная редиска в древнекитайский полдень. У мудрокотика Кости тоже есть такая тетрадка, в которую он на смех соседским курам записывает свои пронзительные сны. Куры на то и куры, что громко хохочут (гл.41). Вот только им в волшебную тетрадь записывать нечего.

41.

(1) Муж наилучший, услышав о Дао, способен усердно идти к его центру.

(# шан # ши # вэнь # дао # цзинь # нэн # сян # юй # ци # чжун)

(2) Муж средних [достоинств], услышав о Дао, то хранит [его], то теряет.

(# чжун # ши # вэнь # дао # жо # цунь # жо # ван)

(3) Низкие люди, услышав о Дао, громко [над ним] хохо-

чут.

(# ся # ши # вэнь # дао # да # сяо # чжи)

(4) Громко не хохочи они, [было бы] недостаточно, чтобы [это] считать [за] Дао.

(# фу # да # сяо # бу # цзу # и # вэй # дао)

(5) Поэтому [вот что] в сказаниях есть:

(# ши # и # цзянь # янь # ю # чжи)

(6) Прозреть Дао, что отупеть.

(# мин # дао # жо # мэй)

(7) Приближаться к Дао, что отступать.

(# цзинь # дао # жо # туй)

(8) Сравняться с Дао, что ошибаться.

(# и # дао # жо # лэй)

(9) Высшее Дэ подобно долине.

(# шан # дэ # жо # гу)

(10) Великая чистота будто бесчестье.

(# да # бай # жо # жу)

(11) Беспредельного Дэ будто бы не хватает.

(# гуан # дэ # жо # бу # цзу)

(12) Непоколебимое Дэ кажется неустойчивым.

(# цзянь # дэ # жо # тоу)

(13) Истинная Реальность как будто изменчива.

(# чжи # чжэнь # жо # юй)

(14) Великий Квадрат не имеет углов.

(# да # фан # у # юй)

(15) Великий Сосуд делается последним.
(# да # ци # вань # чэн)
(16) Великий Тон беззвучен.
(# да # инь # си # шэн)
(17) У Великого Образа нет очертаний.
(# да # сян # у # син)

(18) Дао сокрыто в отсутствии имени.
(# дао # инь # у # мин)
(19) Человек только в Дао
[все] хорошо начинает и хорошо завершает.
(# фу # вэй # дао # шань # ши # це # шань # чэн)

«Students of the Way with higher wisdom are very rare, hardly one or two in ten thousand;
Middling and lesser people are countless»
Liu I-ming, «Awakening to the Tao», translated by Thomas Cleary, Shambala Classics, 2006

«Настоящий человек древности не знал ни любви к жизни, ни ненависти к смерти; не радовался своему появлению [на свет] и не противился уходу [из жизни]; безразлично покидал [этот мир] и безразлично приходил в него, и это все»
«Чжуан-цзы», Древнекитайская философия, том 1, изд. «Мысль», Москва 1972

Очень строго.

Если вам кто-то скажет, что он по Дао-пути идущий,

Или на нем стоящий, иль Дао в медитации пьющий,

Верить тому не спешите…

На Дао-пути не бывает шатающихся от безделья

И восторженных фантазеров не пропустят Небесные Двери.

Даже добро творящим, и тем не отведать Дао.

Это дело великой отваги и как у осла упорства,

Тонкого нюха как у собаки и мудрой неспешности черепахи.

(1). Мы, с Великим Пекинесом, уже докладовали (гл.15), что иероглиф «#ши» способен обозначать разные подвиды желтокитайских граждан: храбрые офицеры и сержанты, коррумпированные и изредка честные чиновники, бродяги-философы, а также школьники и вечные студенты, изучавшие что угодно, в том числе и науку о Дао – все могли безбоязненно величать себя гордым именем «ши». Знак «#шан» – лучший, высший и самый главный. Соответственно, «#шан #ши» – это авангард древнекитайского мудрососбщества, его ароматный цвет и жирные сливки. В первом мавантуйском свитке от всей главы осталось два иероглифа, а во втором тексте в этой строке нет второго и третьего знаков. Остальные тексты (годянский, Ван Пи, Хэшан-гуна и Фу И) дружно сообщают, что при благоприятном стечении кар-

мически обусловленных обстоятельств сему авангарду и выпадает редкое счастье прослышать о бессмертном источнике Сущего или, выражаясь без затей, фундаментальной Дао-реальности. Возрадовавшись и возвеселившись, «шан ши» стремительно принимаются за дело. В стандартном тексте они изо всех сил стараются и идут по Дао-пути (#шан #ши # вэнь #дао #цинь #эр #сян #чжи). В годянской версии вместо знака «#цинь» (стараться-напрягаться) стоит «#цзинь», буквально означающий «едва, почти». Учитывая, что в те славные времена эти иероглифы были взаимозаменяемы, получается, что «трудолюбивое усердие» присуще всем вариантам текста. Итак, на мавантуйском шелке (#шан … … #дао #цзинь #нэн #сян #чжи) лучшие из наимудрейших, прослышав о Дао, могли туда ходить, шагать и путешествовать (# нэн #сян), а на годянском бамбуке, услышав все то же самое, обретали редкую способность проникать внутрь, середину и даже центр фундаментальной Реальности («#шан #ши #вэнь #дао #цзинь #нэн #сян #юй #ци #чжун», где «#чжун» – это центр; середина; то, что внутри). Любознательным домохозяйкам первая строка наверняка знакома по переводам стандартного текста в исполнении Ян Хин-шуна (Человек высшей учености, узнав о дао, стремится к его осуществлению), Малявина В.В. (Высшие люди, узнав о Пути, являют усердие и претворяют его) или Маслова А.А. (Когда муж высоких способностей слышит о Дао, он усердно следует ему).

(2). (3). (4). Строка (2) о посредственных учениках (#чжун #ши), обычно, заканчивается «#жо #цунь #жо #ван» – «то хранит, то теряет (пренебрегает, забывает)». Но на годянском бамбуке такой студент «#жо #вэнь #жо #ван» – «то внимает (слушает, понимает, чует носом), то забывает (пренебрегает, утрачивает)».

Члены населения средних достоинств (чжун ши), составляющие основу всякого мало-мальски устойчивого скопления двуногих зверюшек, хороши во многих отношениях: они бурно размножаются, вкалывают до седьмого пота «во глубине сибирских руд», вечно хранят гордое терпение и высокие стремления, безропотно отдавая свои бесценные жизни за интересы хитрожадных вождей, жужжащих из телевизора про мифические планы вероломных соседей отнять у них и так не принадлежащие им богатства. Ожидать от «чжун ши» высокодуховных свершений вряд ли стоит, но на скоропортящиеся трудовые и патриотические подвиги они горазды. Впрочем, домохозяйки из них получаются очень даже хозяйственные. Этого не отнять.

В строке (3) на авансцену шустрой рысью выбегает толпа нагловатых и самоуверенных древнекитайских субъектов (#ся #ши), громко хохочущих над всем, что превышает возможности их скудного понимания. Как справедливо подметил мудрокотик Костя, этого «добра» во все века и повсюду хоть отбавляй. С развитием такого варианта событий можно безбоязненно ознакомиться, обнюхав бессмертное творение

Михаила Афанасьевича Булгакова под скромным названием «Собачье сердце».

Великий Пекинес, сочтя излишними долгие повизгивания вокруг этой строки, все-таки сострадательно фыркнул, что в силу беспощадного закона кармического равновесия представители громко хихикающей фауны обречены рано или поздно жалобно скулить, причем, значительно громче, чем хихикали. Вслед за оглашением этой мудрокосмической формулы Пушистомудрейший, задрав хвостик, победоносной рысью проследовал в заросли сочных одуванчиков в надежде подкараулить там соседских кур-сепаратисток, накануне участивших свои дерзкие набеги на наши суверенные грядки. Неразумному ничего не оставалось, как самому взяться за толкование сих пронзительных строк. Отложив любимую палку-копалку, сыгравшую на заре времен ключевую роль в головокружительной трансформации обезьянки в человека, он взял, да и начертал на заборе развеселые частушки:

Maestoso

Лао-цзы всех живых зверюшек обожал как собственных деток,

Но, взирая на них с «замутненным» сердцем (гл. 49),

Едва ли испытывал эйфорию при виде тех, кто громко хохочет.

Мудрокитайцу чужда человечность и все, кто хохочут, ры-

чат или плачут,
Ему, что «соломенные собаки» (гл.5).
Собственно, граждане, что ж вы хотели?
Восхождение к Дао – это же жесткая дисциплина.

Когда пробужденное Сердце вселенную озаряет своим сиянием,
Великие Будды и иже с ними оставляют все свои мантры.
Все угодники и святые забывают облобызать иконы.
Все оборачиваются поглядеть на Великое Чудо,
Ведь все Великое – ведь оно же в малом (гл.64).

Волшебную книгу оставил нам Совершенномудрый.
Ну посудите сами: ведь тот, кто громко хохочет,
Прочитать ее сможет быстро, скажем, минут за сорок,
Если, конечно, в принципе, она ему в руки попасть захочет.
Тот же, кто ищет всего Сердцевину, будет читать всю жизнь.
И Великое Счастье, коль в этой жизни он утолить свою жажду сможет.

(5). Строка «#ши #и #цзянь #янь #ю #чжи» читается следующим тривиальным образом: «Поэтому в «цзянь янь» имеется это». «#Цзянь #янь» – незыблемая мудромаксима, очевидно, заимствованная из пухлого цитатника народ-

но-философских пословиц и поговорок, с детства знакомых всем древнекитайским домохозяйкам. For example, Малявин В.В. бесцеремонно заявляет, что «автор «Дао-Дэ цзина» имитирует (или частично заимствует) форму поговорок, тем самым придавая своим сентенциям весомость традиции…» Ах, полноте. Великий Лао-цзы уж точно не был профессором «кислых щей», и едва ли имитировал народное творчество в низкочастотном устремлении придать своим сентенциям больше важности. Да и традициям он никаким не следовал, поскольку Дао-ум следует исключительно самому себе, а все традиции начинаются вслед за его огорчительной утратой.

Для частушек с поговорками следующие далее строки (6-13) чересчур уж специфичны и более всего странно то, что весь этот набор красочных сравнений заканчивается «Великим Квадратом». Дело в том, что «Великий Квадрат» – это конфирмация абсолютного характера. Тот, кто был способен высказать столь «весомую сентенцию» задолго до появления Бодхидхармы на просторах Поднебесной, никогда бы не живописал Дао с помощью зыбких аналогий а-ля вот тут что-то кажется, а там еще и мерещится. Сознанию, сподобившемуся на прикосновение к освежающему потоку фундаментальной Реальности, ничего больше не кажется. Именно поэтому в Чань-буддизме требуется безжалостно и бескомпромиссно проявить Дао-истину строго здесь и сразу сейчас, а не галлюцинировать на вольную тему, какой

она представляется двойственному сознанию. Абсолютная Реальность – это Великий Квадрат, Великий Круг, Великий Баран или Великий Кенгуру! Однако, если кто-то возомнит, что Татхата – это квадрат похожий на круг или баран похожий на кенгуру, мы, с Великим Пекинесом, никогда не рискнем вкушать с ним сухой корм из одной миски.

При всем своем мудрокитайском очаровании, главы 24, 28, 29, 33, 38 и 41 (из того, что мы успели обнюхать) способны породить в сердцах домохозяек обширные, но вполне обоснованные сомнения в их принадлежности кисти одного живописца. Вот и следующая глава 42 с ее чересчур усложненным процессом порождения десяти тысяч вещей никак не вяжется с отсутствием углов и очертаний у всего истинно Великого.

«Больно ты строг, Неразумный», – заметил Мудропушистый. – «Вот чем болтать в изобилии, взял бы лучше метлу. Осень уж на дворе. Пора опавшие листья в пространстве перемещать».

(6). (7). (8). Каждая из этих строк состоит из четырех иероглифов, причем, на второй позиции везде стоит знак «# дао», а на третьей – «#жо» (быть подобным и похожим). Легко догадаться, что содержание первых двух иероглифов уподобляется тому, что олицетворяет собой иероглиф заключительный. В этом уравнении первые и последние знаки могут быть либо прилагательными, либо глаголами. Причем, вари-

ант с прилагательными на фоне иероглифа «дао» – это не более чем фантазии сомнительного содержания. Почему? Ах, уж поверьте на слово. Нет? Тогда всех неверующих домохозяек ждет лекция-колыбельная на тему «Как выглядит Дао из глубины китайской кухни».

Для пущего вдохновения мы поспешим направить наш сентиментальный взор на творения представителей ортодоксального глубокомыслия, отдающих предпочтение прилагательным. Lau Din-cheuk: «The way that is bright seems dull; The way that is forward seems to lead backward; The way that is even seems rough» (Яркий Путь кажется тусклым. Путь, который ведет вперед, кажется, что ведет назад. Ровный Путь кажется неровным). Wing-tsit Chan: «The Tao which is bright appears to be dark. The Tao which goes forward appears to fall backward. The Tao which is level appears uneven» Рихард Вильгельм: «The clear DAO appears to be dark. The DAO of progress appears as retreat. The smooth DAO appears to be rough». Отечественный производитель следует тем же фарватером: «Пресветлое Дао кажется тёмным. Дао, ведущее вперёд, кажется влекущим назад. Обыденное Дао кажется исключительным» (Маслов А.А.); «Пресветлый Путь кажется мраком. Путь, ведущий вперед, кажется отступлением. Ровный Путь самый труднопроходимый» (Малявин В.В.). И на десерт вдохновенные, но «труднопроходимые» вирши Виногродского Б.Б.: «Просветление Пути отражается в тьме. Продвижение по Пути отражается в отступлении. Равномер-

ность Пути отражается в изъянах».

Что можно взвизгнуть в направлении всей этой философской турбулентности? Да очень многое. Во-первых, в те нафталиновые времена при отсутствии литературы о буддизме и привычных ныне способов коммуникации, дабы насочинять сравнительные обороты про Дао, следовало растратить большую часть своего свободного времени на «fine-tuning» самого себя, любимого, к высокочастотным божественным вибрациям. Не факт, что всякому мудрогерою удавалось преуспеть в этом мероприятии. Так «ярко-пресветлое» и «вперед наступающее» Дао – это как раз сновидения такого неудачника, искренне полагающего, что любая глупость, будучи «винегретом» из противоположностей, автоматически превращается в непререкаемую мудрость. Пребывая в наивной убежденности, что Лао-цзы не страдал философским глубокомыслием, а Видел (с большой буквы) окончательную Реальность напрямую без прикрас, все, что он мог честно наблюдать, так это категорическое отсутствие у Дао каких-либо выпуклых форм, свойств и качеств. Дао, что «черная дыра», не выпускающая из своих недр никакой информации, в лучшем случае «черной дырой» и кажется. Вдохновляющей «ярко сверкающей пресветлости» из «black hole» не поступает, отчего интеллектуально развитым гражданам остается лишь гадать на панцире священной черепахи, что представляет собой ее сокрушительная сингулярность. Поэтому Совершенномудрый без малейшего понятия о «черных ды-

рах» тут же и признается, что Дао – это Форма Бесформенного (гл.14), у которой нет никаких ощутимых очертаний и раскрашивать ее цветными прилагательными в высшей степени неуместно. Собственно, единственное украшение к существительному «дао», которое Лао-цзы сподобился напряженно извлечь из своего просветленного организма, это иероглиф «да» – «великий, великое» (#цян #вэй #чжи #мин #юэ #да) (гл.25). Что касается Дао-пути, «ведущего вперед» к героическим свершениям и трудовым победам, то Дао никого никуда не ведет. Таковость недуальной Реальности не знакома с присущей эго-сознанию направленностью существования. Поэтому Татхагата, не спрашивая ни совета друзей, ни одобрения трудового коллектива, приходит из тотального ниоткуда, а исчезает, как легко догадаться, в не менее тотальное никуда (Алмазная Сутра).

Напротив, в том богоугодном случае, когда первый и последний иероглифы изъявляют себя в качестве трудолюбивых глаголов, заявления этих строк преображаются из безутешной раскраски Дао-субстанции в изложение мудрокитайцем личных переживаний от ее протекания по его мудрокитайским жилам. Например, строка (6) «#мин #дао #жо #мэй» – прозреть Дао, что отупеть. Почему отупеть? Потому, что Дао-ум, как мы не раз рапортовали, растеряв все свои точки опоры и привязанности, будто бы останавливается. Заторможенное сознание отупевшего по любым причинам гражданина тоже стоит на месте, не успевая реаги-

ровать на активную жизненную позицию находчивых членов населения. Хотя на этом сходство благополучно заканчивается, в главе 20 можно насладиться удивительным акварельным пейзажем, выписанным кистью Лао-цзы по мотивам аналогичных впечатлений. Вот слева неприветливый младенец, еще не выучившийся вежливо улыбаться. Справа – обессилевший и неумытый странник, позабывший, откуда пришел и что ему надо. А в центре никуда не направленное Сердце Глупца, еще не успевшее расколоться на сансарические «щепки» нескончаемых мыслей, чувств, желаний et cetera. Сюнрю Судзуки называл чудо-сознание такого «глупца» «the beginner's mind» (ум начинающего): «For Zen students the most important thing is not to be dualistic… If your mind is empty, it is always ready for anything; it is open to everything. In the beginner's mind there are many possibilities; in the expert's mind there are few» (Shunryu Suzu ki, «Zen Mind, Beginner's Mind», 1970). Мы, с Великим Пекинесом, не в восторге от «ума начинающего» с его «many possibilities» и «readiness for anything». В Сердце Глупца нечему начинаться, впрочем, как и заканчиваться. Оно не отслеживает и не сортирует «possibilities», пребывая вне дуалистического восприятия, непременно оставляющего за собой липкую пыль на Ясном Зеркале (Алмазная Сутра и Сутра Помоста, гл.1). Поэтому Лао-цзы и говорит, что Сердце Глупца поддерживается не шаткими подпорками из условных представлений, а божественным «молоком» Великой Мамы (гл.20). Ох-ох…

Брат Сюнрю был слишком добр к своим ученикам, что в итоге так и не пошло им на пользу.

При том, что Дао-ум будто бы отупел и остановился, взвизгнуть, что он проживает в статической неподвижности, мы не осмелимся. Лишенный всех точек отсчета, по отношению к которым он мог бы участвовать в относительных ментально-эмоциональных вибрациях, Дао-ум пребывает в «состоянии» отличном от всего того, что называется «движение» и «покой». По своим сверхъестественным параметрам это подобно свободному падению сквозь океан квантовой пены, бурлящей вне круговорота причинно-следственной взаимозависимости. Ведь спонтанная Дао-реальность спонтанна именно потому, что не обременяет себя никакими причинами для проявления своей беззаботной спонтанности. В пределах же четырехмерного социально-пищевого континуума причина есть на все.

«Это же, чОрт побЪери, махровый идиотизм, возведенный непромытыми китайцами в высшую степень их бездуховного прогресса!» – слышим мы воинствующих во православии домохозяек. – «Вот где, спрашивается, молитвенная размягченность обедненного витаминами мозга, покаяния в азиатских грехах и истязания непокорной желтой плоти? Ай?» Неразумный, заслышав гневные речи, тут же ощутил внутреннюю потребность явиться куда-нибудь с повинной, но Великий Пекинес и примкнувший к нему вислоухий кролик вдруг дерзко ощетинились, сострадательно объявив, что

будут кусаться и царапаться до самого ужина, но не дадут в обиду измученного странника с неулыбчивым младенцем. Хитрокот Костя, отбывающий епитимью за несанкционированный доступ к миске Великопушистого, предпочел ограничиться благородным молчанием в обиженных тонах.

Обнюхиваемые строчки не везде одинаковы. В мавантуйском тексте «В» строка (6) – «#мин #дао #жо #фэй», где «фэй» – «расточать, расходовать, не жалеть, не щадить». Роберт Хенрикс замечает на этот счет следующее: «Also, in line 6, where the standart text has «mei» for dark, text B has «fei» (extravagant or wasteful), but I follow Hsu K'ang-sheng in reading this as the «fei» which means «poor eyesight», and in this way arrive at «things being in the dark»» (в строке 6, где стандартный текст имеет «мэй» – «темный», текст «В» имеет «фэй» (экстравагантный или расточительный). Я следую за Сюй Кан-шэном, читающим этот «фэй» как «плохое зрение». Таким образом, я получаю «нечто, находящееся в темноте»). Ситуация неуклюжая, поскольку знак «фэй», дабы означать «poor eyesight» или нечто утомительное для зрения, обязан сопровождаться дополнением (например, «# фэй #му #ли» – напрягать зрение, рассматривая что-нибудь слабо различимое). Здесь же дополнения нет, и «фэй», исполняя свои «прямые обязанности», выливается в «прозреть Дао, будто бы тратить без меры», что само по себе звучит сочно и привлекательно. В годянской версии строки (7) и (8) меняются местами, а строка (6) записана как «мин дао жо

бо», на что Роберт Хенрикс реагирует так: «I would suggest reading «fei» (scattered, dispersed or diffused) as the intended word, for which «bo» was a phonetic loan». Как говорили в таких случаях древние англосаксы, «why not?»

(7). В стандартном тексте строка выглядит как «#цзинь #дао #жо #туй», где «цзинь» – наступать, входить и приближаться, а «туй» – отступать, возвращаться, отходить. Соответственно, приближение к Дао украдкой и на цыпочках ощущалось древнекитайцами как движение в противоположную сторону. Мы вынуждены нехотя, но неотвратимо записать эту строку в сельскохозяйственный фольклор. Why? Оттого, что высокодуховно отжиматься и религиозно приседать в надежде стать ближе к Дао, то же самое, что испускать мыльные пузыри за ради победы коммунизма на пыльных тропинках далеких планет. Совершенномудрый был хорошо знаком с этой парадоксальной мистикой и в главе 56 он хладнокровно заявляет, что с Дао нельзя ни породниться, ни отбежать от него вдаль с кислой физиономией. Вольнопасущийся кот Костя твердой лапой утверждает, что в Дао самозабвенно «падают», а не разгуливают вокруг него, распушив задний хвостик. Что до предварительных практик, то Лао-цзы не балует трудолюбивых домохозяек их разнообразием. Мы впопыхах припомнили всего три, нет, четыре, sorry, пять очень засекреченных упражнений. На первое: «чем меньше к себе интерес, тем меньше твоих желаний» (гл.19). На вто-

рое: «Тот, кто внимает Дао, теряет день ото дня. Теряет, и снова теряет» (гл.48). На сладкое, заповеди главы 52, призывающие плотно закрыть все окна, двери, дырки и щели, после чего послушно следовать за сокрытым в собственном сердце источником божественного излучения. Наконец, очаровательное напутствие главы 80, в которое пушистые схимники влюблены с утра до позднего ужина: «[Пусть] слушают друг у друга петухов, да собак, а люди до старости и до смерти не ходят туда-сюда». Ни тебе поста с молитвой, ни лобзания икон, усидчивости в цзо-чань и сосредоточенной возни с третьим глазом. Лао-цзы, не отвлекаясь на медитативную профанацию, зрит в самый корень злободневной проблемы инфильтрации эго-сознания в Дао-реальность. Его скупые наставления ненавязчивы и неказисты, но они всегда под рукой и их эффективность при искреннем исполнении высока и неизменна. Про советы главы 52 мы пока умолчим, иначе нам будет нечего повизгивать при ее истолковании, а вот наставления глав 19 и 48 расстараемся обнюхать невнимательно, но быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.